

Макаров Максим Сергеевич

Простой-простой Дейтильвирк

12+

# Максим Сергеевич Макаров

## Простой-простой Дейтильвирк

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=66443188](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66443188)*

*SelfPub; 2021*

### **Аннотация**

История фантома, с которым постоянно приключаются смешные и нелепые истории. Фантом совсем не плохой, очень хочет что-нибудь сделать, но совсем ничего не может. Однако он существует.

# Максим Макаров

## Простой-простой

### Дейтильвирк

Среди существ, обладающих разумом, далеко не все знают, что такое полезный труд; но зато каждому хочется чем-нибудь да заняться – ну хотя бы иногда, от скуки. Это чувство тяжелее камня, сильнее печали, оно глыбой давит изнутри. Порой даже великие умы не знают что придумать. А вот он, фантом по имени Дейтильвирк, побеждает скуку! – он сидит и роется в траве, ворошит прошлогодние листья. Дейтильвирк ничего не ищет, он вообще не знает, зачем он это делает – просто делает и все. Он, подобно другим фантомам, не ставит перед собой цели. Зато любит рассуждать.

– Листочки... какие они все черные! А ведь были раньше желтые, красные, коричневые! А еще раньше были зеленые, висели все чего-то, висели. Потом летать начали... что-то плохо они летали, никуда ж не улетели... А с другой стороны, если б листья были только зеленые, то было бы неинтересно. А в малиннике что?

Дейтильвирк идет в сторону малины, но там уже сидят другие фантомы. Они раскачивают ветки, брызгаются бардовым соком. Ягоды лежат на земле – есть их фантомы не могут, да это им и незачем. Фантомам достаточно простых

лучей; вероятно, так укрепляется энергия, лежащая в основе их тел.

Но не все лучи полезны. Бывает, что от иных лучей туловище фантома разлетается и собрать его крайне утомительно.

Дейтильвирк хитрый – он не лезет к деятельным существам, он просто сидит в траве. Ворошит камешки.

– А что под камешками? – а под ними ничего. Земля просто. Это незабавно. Могли бы что-нибудь сделать.

Видимо, Дейтильвирк существовал уже очень много лет, но, как и все фантомы, он не умел их считать. Он только помнил – да и то смутно – что когда-то на том месте, где он сидит сейчас, была степь; потом степь исчезла, а вместо нее возникла пустошь, с голыми, обожженными камнями, кто-то что-то делал, пустошь чернела долго, потом на ней появились рыжие и краснее волоски, потом... потом опять возникла степь, опять кто-то что-то делал, появились какие-то деревья, они множились, и вот теперь есть лес. Это значит, прошли сотни, а может быть, даже тысячи лет, но какое до них дело Дейтильвирку? В конце концов, он же не счетчик времени.

Дейтильвирк любил спокойствие, он никогда не ходил далеко, ему нравилось сидеть и размышлять – про себя. За медлительность ему часто попадало от других фантомов, любителей активных перемещений. Они, к слову, периодически попадали в конфликт с героями или с силами природы, и по-

рой исчезали. Характер у Дейтильвирка тихий, даже слегка робкий, он сидит, никого не трогая, в траве, гладит ее, гладит... Ему нравится.

И тут настал такой день, что ему перестало нравиться. Вообще все перестало нравиться.

– Чего это я все сижу, сижу; и вообще, почему я сижу? Вообще, кто я? Я знаю, что я – Дейтильвирк; но кто сказал, что я Дейтильвирк, и с какой стати я Дейтильвирк?

Дейтильвирк и в самом деле не знал, откуда взялось его имя и что оно значит. Оно просто было – как и он сам.

– Надо вспомнить, а то просто кошмар получается – ничего про себя не знать! Как это оно делается-то?

Дейтильвирк начал вспоминать. Он катался по траве, прыгал, спотыкался; но так ничего и не вспомнил, ведь, в сущности, он же этого никогда не знал.

Надо было спросить других. Но цивилизованных существ Дейтильвирк побаивался (вдруг как-нибудь обидят), а фантомы казались ему слишком быстрыми. Поэтому он обратился к бьорке.

Бьорка – птица, похожая на сороку, только на хвосте у нее расширение в виде плоской шишки. Бьорка прыгает повсюду и все знает (как ей кажется); однако, ей не занимать природной мудрости.

Бьорка сидела и щипала из кленов семечки. Дейтильвирк подошел, повздыхал, потом спрашивает:

– Слушай, ты случайно не знаешь, кто я?

Бьорка слегка поперхнулась, повертела головой и говорит:  
– Ты что, из гнезда выпал?

– Нет, – говорит Дейтильвирк (как и многие фантомы, он знал языки животных) – я туда не лезю... Это вот Дуппельдом, он действительно любит в гнездах сидеть, а я больше по траве...

– Имя свое забыл ты, что ли?

– Да нет, по счастью имя-то я помню – я Дейтильвирк, только вот зачем я Дейтильвирк? Может, я кто-нибудь другой? Зачем вообще все?

Бьорка потерла перья.

– По-моему, каждый предмет зачем-нибудь существует.

Дейтильвирк страшно удивился:

– Да неужто же совершенно каждый? А ты не преувеличиваешь?

– Нет, я верно говорю – сказала бьорка. Она была очень умная. – Во всем, что есть в мире, имеется свой смысл, своя идея. Вот например дождь – он нужен для деревьев, для трав, для рек; да и самому небу он тоже нужен, наверное. Вода поит землю, из земли растут леса, а в лесах есть шишки с ягодами, очень приятные, леса дают тень, прохладу и... и кроме того, на деревьях удобно прятаться от лисы и от прочих нахалов.

– А зачем существует разум? – спросил Дейтильвирк.

– Разум нужен для того, чтоб выбирать действия, – сказала

Бьорка. – это личное дело каждого!

– А, ну да, – согласился Дейтильвирк, хотя он ничего не понял. – Ну и что потом?

– А то – назначение каждой вещи объясняется ее природой! Назначение заставляет делать то, без чего прожить нельзя. Это же так просто!

– Действительно, просто! А я слышал, есть какие-то открытия, творчество, потом эти... изобретения. Но жили же раньше без этих, как его... изобретений. Зачем же их делали, изобретения, открытия, если и так можно прожить? Вот я например, существую безо всяких изобретений. Зачем что-то новое?

Бьорка не ответила и принялась молча чистить перья.

Она и сама толком не знала, для чего появляется новое, но не хотела показать этого перед Дейтильвирком. Ведь она считала себя всезнайкой.

– Зачем изобретения и все новое... не нравится им то, что есть, оттого и изобретения. С творчеством то же самое – слишком много воображают. Хотят показать свою мощь.

Правда, мощь бывает такая, что изменяет мир – ну вроде как гроза или землетрясения... я слыхала, таким образом можно создавать целые миры, и даже больше чем миры.

– Ну дела! – восхитился Дейтильверк. – Выходит, существуя, можно сделать такую громадину! Здорово! Стало быть, и я тоже могу создать что-то такое большое, ведь я тоже существую...

Тут бьорка дельно весьма говорит:

– Размахался! А ты-то сам кто есть?

– Я? Я Дейтильвирк.

– Вижу, что не тополь. А зачем ты... ах да, ты же не знаешь зачем живешь... много вас, фантомов, прыгает повсюду, кто вас разберет... Впрочем, нет! Назначение каждого зависит от внутренней природы. Вот у тебя что внутри?

– А не знаю.

Бьорка сунулась внутрь Дейтильвирка, но у нее сразу же начала кружиться голова. Вероятно, от энергетических полей.

– Да, действительно ничего не видно. Но должно же быть хоть что-то! Кстати, ты живой или нет?

– Я-то? А кто его знает, я и не задумывался об этом... Мне всегда было достаточно того, что я есть.

– Нет, зелененький – сказала бьорка (у фантомов обычно прозрачное туловище, но Дейтильвирк так долго возился в траве, что и впрямь позеленел – снизу). Просто быть нельзя... тут одно из двух: либо ты живой, либо ты неживой, иначе говоря – мертвый. Живой живет, а мертвый... что-то другое делает. Тебе нужно сперва выяснить, живой ты или нет. А потом изучай себя дальше.

– А как надо выяснять?

– Сделай что-нибудь! – ответила бьорка (ей уж наскучил этот нескладный фантом). Она повертела головой и увидела старую ель, голую до половины. Внутри ели жили жучки –



соперники бьорки по гусеницам.

– Слушай, уберика вон ту елку засохшую. А то еще неровен час, она кого-нибудь прихлопнет.

Дейтильвирк робко обошел вокруг ели.

– Ой, я это не умею... И она же такая большая.

– Но ведь и ты уже не маленький!

– Да, я не... – Дейтильвирк материализовал часть своей энергии, вытянулся вверх по стволу, но сразу же приклеился.

Вещественные части перепутались со смолой.

Дергался Дейтильвирк, дергался:

– Что-то оно не убирается... и от меня не отходит.

– Напрягись!

Дейтильвирк напрягся – и внутрь его засосало жучков.

Те сразу зажурчали (заговорили со звуком ж-ж-ж):

– Жто жа бежо-бражие (Что за безобразие)! Жук ты жи-молостный, куда жалеж?

– Я не залез – оправдывался Дейтильвирк, – я отцепиться не могу...

– Раскачивайся!

– Да не в меня! – испугалась бьорка

Качались-качались – в результате верхушка ели – крэк! – и переломилась. И прямо бьорке по носу. Жучки посыпались градом.

Ель уцелела на три четверти, но все были недовольны – и жучки, и бьорка, и Дейтильвирк.

– Дураж! Вежь дом поврежден! Теперь же жить нельзя же!

Жто мы, бедные, жто ли, жить в плохом доме?

– Кажется, я палкой подавилась – жаловалась бьорка.

– Что-то я не понял, живой я или нет – пробормотал Дейтильвирк. – Совсем не понял.

Он в задумчивости пошел сквозь лес, колыхая энергией ветки, и не видел, как жучки ругаются с бьоркой.

– Мы ж! С Вами ж! Договорилижь (Договорились) ж! Одна четверть гусениц Вам, три четверти – нам, все по-честному ж... Зачем вы этого жимолостного прижвали?

– Во-первых, договор был не четверть на три четверти, а половина с половиной! Половина – мне, а другая половина – кто достанет... Во-вторых я его и знать не знаю, это он пристал с глупыми вопросами... А в-третьих, может оно само-сломалось!

– Как же, жломалось – бурчали жучки сердито. – Жамо (само)! Жамо! Где ж жамо?

Но странное дело – бьорка оказалась права. Ель и вправду треснула сама, а вовсе не от усилий Дейтильвирка. Ее древесные волокна слишком постарели.

Жучки остались в недоумении:

– Ж-жтранно. Что же он тогда жделал?

Получилось так, что Дейтильвирк ничего не сделал; он хотел сделать, но образующая его энергия была крайне мало приспособлена для воздействий на большие предметы. Он не умел на них воздействовать.

Физическая природа многогранна, отметил Дейтильвирк

про себя. Звезды светят, облака летят, речка плещет; и вокруг полно жизни. Дейтильвирку очень хотелось выяснить, живой он или нет, и если живой, то в какой части природы.

Он хватался за все подряд. Глядя на зверей и птиц, он пробовал чистить семечки – семечки тут терялись. Хотел поймать мух – мухи пролетали сквозь него, некоторые падали (под влиянием его внутренних полей), но так, что Дейтильвирк не мог их ухватить. Он ползал, искал этих жужжал, постоянно путался сам в себе и вечно забывал, что он ищет. А есть и пить он не мог, поскольку был фантомом.

Даже река его проигнорировала – Дейтильвирк полез в воду, совершенно не промокая, стоял и думал, что с ней делать. И никак не мог придумать.

– Что-то я ни для чего не подхожу... Как понять, в каком виде я живой? Может, мне надо делать что-то более грандиозное?

Дейтильвирк отправился к разумным жителям, но имея скромный характер, он боялся идти в города, деревни и дворцы, т.к. там было слишком много народу. Так он зашел в один заброшенный угол, где не жил никто – кроме Дарны-Шумелиды.

Дарна – женщина из народа Шумелид, славилась среди них своей красотой и строптивостью. Она жила одна, но при этом хотела выйти замуж.

Дейтильвирк подошел к богатым каменным воротам.

– Извините... есть у вас что поделать?... Мне надо выяс-

нить насчет себя.

Вышла Дарна, блистая красотой, и говорит:

– Выпей-ка сперва воды студеной.

И дает ему полное ведро.

Как Дейтильвирк ни старался, вся вода прошла сквозь него – он же был нематериальный. Даже капли не досталось.

Дарна задумалась. Студеное ведро было хитростью – в воде, кроме холода, прятался какой-то секрет. Обычно, выпив ведро, женихи с ног валились – либо от холода, либо от воды, либо от секрета. Так разборчивая Дарна отгоняла слабых. А сильные ей еще не попадались.

Подумала, подумала красавица и говорит:

– Хочешь что-то сделать? Полезай-ка вон на тут яблоню.

Дейтильвирк стал карабкаться.

– Залез?

– Залез.

– Просиди всю ночь до утра.

Это была другая хитрость. В кроне яблони было гнездышко, где жила ситнь – ящерка, маленькая, но страшно кусачая, с сотней алмазных зубчиков. Она кусала всех чужих. Редкий ухажер мог удержаться на яблоне час, самый влюбленный и крепкий просидел два часа, а таких чтоб до утра, таких еще не родилось. Потому что и яблоня, и ящерка, да и все прочее хозяйство были заколдованы.

Наступила ночь. Дейтильвирк сидит, рассуждает вслух. Но вот во мгле зашуршало, и возникла юркая тень – ящер-

ка пришла. Она придирчиво понюхала Дейтильвирка («Что за жалкий, пустой ухажер... весь травую пропах прошлогодней»), открыла ротик и – давай кусать. Дейтильвирк сидит.

Ситнь-ящерка его кусает – он сидит и абсолютно ничего не чувствует (он же невещественный). Ящерка крутится, злится, хочет укусить побольней – да только хватает ртом пустоту. Материальная часть Дейтильвирка ничтожная, она сильно рассеяна, а энергию не укусишь. Вдобавок к этому, Дейтильвирк не знает что такое боль, страх и прочие сильные чувства. Он же фантом.

Ящерка кусала, кусала, пока из сил не выбилась. А Дейтильвирк сидит и рассуждает:

– Если б знать, что можно сделать... тогда б можно что-то сделать. А так что – сидишь себе, сидишь, ничего не знаешь... Непонятно!

Хитрая Дарна сразу почувствовала, что Дейтильвирк какой-то необычный. Поэтому для верности она не подходила к яблоне три дня. На четвертый день она увидела: Дейтильвирк сидит на прежнем месте.

– Сидишь?!

– Сидю...

– А чего ты сидишь?! – Дарна поняла, что это не жених, но и не муж. – Слезай и уходи!

Дейтильвирк стал слезать, но за время сидения его волновое поле перепуталось с биополем самой яблони. Оба поля перемешались, словно скрученные ветки. Дейтильвирк запу-

тался. Стал трястись.

– Слезай сейчас же! Хулиган!

– Я сейчас... меня запутало и болтает...

– Слезай! – закричала Дарна, испугавшись. – Яблоню сломаешь!!

– Я сейчас... у меня что-то приклеилось...

– Ах ты нахал! Такой-сякой немазанный, сущность твоя проклятая, понаделали вас на нашу голову!

Дейтильвирк слезал два дня. А когда слез, принялся рассуждать:

– Живой я или нет? Листья я не смог потрогать, дерево новое не выросло, не сломалось, ящерка как была, так и осталась... Что же я сделал?... Я же что-то сделал... или это мне померещилось?

– Иди-иди... философ! Мыслитель бестелесный!

Дарна прогнала «философа» со двора. И расплакалась. Еще бы! Ведь она обидела многих женихов, кому-то даже кровь испортила, а этот хлипкий фантом оказался ей не по чарам. Впрочем, как и в других случаях, Дейтильвирк не сделал ничего – яблоня не испортилась, ящерка – тоже, да и сама Дарна, Шумелида-красавица, не в убытке осталась. Она плакала просто от ущемленной гордости.

Потом она перестала плакать, и все пошло по-старому – слухи, влюбленные женихи, студеное ведро с ящеркой, другие задачи, еще более страшные. Но Дейтильвирк так и не выяснил про себя:

– Я живой или я неживой? Какой сложный вопрос... даже неясно как решать его!

Идет Дейтильвирк, идет, размышляя о себе, и вот доходит он до города. В этом городе только что открылась ярмарка изобразительных искусств, где каждый живописец (если у него был талант и деньги) мог показать свое мастерство. Картин собралось множество; были работы, написанные красками, тушью, углем, собранные из цветных стекол, камешков, прочих предметов; были даже объемные картины из бумаги.

Тон ярмарке задавали художников из двух народов – Левы, привыкшие на все глядеть левым глазом, и Праввы, которые обычно глядели правым глазом. И они вечно спорили – чьи работы лучше.

Дейтильвирк вошел на ярмарку и стал робко протискивать сквозь зрителей.

– А я вам говорю, когда закат, надо класть мазки не слева, а справа!

– Ну и кладите сами! Вы, верно, хотите, чтоб ваш закат был на клубнику похож! Благодарствую, но я пишу не овощи, а пейзажи!

– Это не клубника, а слива! Не понимаете ничего в цветах, а еще беретесь мазать!

– Сами вы мажете и т.д.

Спорят, спорят – чуть до драки не доходит. Тут вмешался городской голова:

– Господа живописцы! Негоже мастерам животы друг дру-

гу портить. Обратимся-ка лучше к толпе народной, и спросим, кому она выдаст больший почет. В куче голов всегда истина отыщется.

Стали голосовать; но поскольку все были либо Праввы, либо Леввы, либо примкнувшие к ним, то голоса разделились ровнехонько поровну. И неясно, кто победил.

Городской голова конфузится, трет лысину, не знает, что сказать; тут он замечает Дейтильвирка да как завопит – от радости:

– Вот Вы! Да – Вы! Господин прозрачный! Вы из лесу иль откуда... впрочем, не суть; вот Вас-то нам и не хватает! Поглядите свежим глазом, или что там у вас (на Дейтильвирке ни глаз, ни лица не разберешь)... поглядите, и скажите, какая работа вам больше нравится! А иначе ярмарка в затруднении.

Раньше Дейтильвирк никогда не видел картин; но из деликатности он не стал этого говорить, тем более что требовалась его помощь. Дейтильвирк принял форму покультурнее.

– Хорошо, если надо, я что – я могу посмотреть.

Картины были самые разные – большие и маленькие, цветные и черно-белые, удачные, неудачные, страшные; Дейтильвирк с глубокомысленным видом ходил вдоль картин, но никак не мог сказать, что ему нравится. Для него все композиции были не более чем изображения.

– Да – говорит он. – Какая здесь штука! А здесь – совсем другая! Да, действительно, есть разница.



Разница, конечно, имелась; правда, от Дейтильвирка ждали нечто другое – ему нужно было понять смысл или красоту работ, и на этом основании оценить их. Однако сам Дейтильвирк никогда не задумывался о том, что такое красота.

– Ну – он стал выжимать из себя часть энергии, как указатель – мне кажется, тут лучше...

Толпа замерла от напряжения.

– Мне кажется... что тут все лучше.

Дейтильвирк никого не хотел обидеть.

– Как это – все? Все не может быть лучше всего, раз оно все!

– Господа! – закричал городской голова. – А давайте вы его нарисуете! Раз он нездешний, господин этот прозрачный, то, стало быть, и интересу за ним никакого, и все художники в равных условиях. Как вам такое предложение?

– Это можно! – согласились живописцы. – Практический подход – самый правильный.

Все принялись рисовать Дейтильвирка. Но поскольку он не имел четкой формы, а у всех был разный художественный вкус, все писали по-своему, сообразно со своим вдохновением. У одних Дейтильвирк был белый, у других – синий, у третьих – зеленый; у одних он был большой и бесформенный, у других – маленький, почти круглый, третьи придавали ему вид знакомых или родственников. Кто-то с упоением пририсовывал Дейтильвирку длинный нос, хотя на самом деле Дейтильвирк никогда не ходил с носом, ему просто не

нужен был нос; другие приделывали ему уши, ноги, даже рога – Дейтильвирку было все равно, тем более что он ничего не понимал в искусстве.

Написали каждый по портрету, смотрят – все портреты разные, и ни один не похож. Энергия-то в Дейтильвирке не застывшая.

– Ой, что сейчас будет... – прошептал голова Дейтильвирку.

– А что? – спрашивает Дейтильвирик добрым голосом.

– «Что-что»! Драка начнется, вот и что! Чтоб вы провалялись со своей прозрачностью!

Дейтильвирик хотел спросить, чем плоха прозрачность, да не успел – и в самом деле драка началась. Художники, крича и обзываясь, на кулаках спорили, чей труд похож, а чей – непохож. Впрочем, редкая ярмарка проходила без драки. Уж на то они Праввы и Леввы – непримиримые друг к другу.

Голова предусмотрительно удрал. Дейтильвирик заплутал в толпе, но благодаря своей невещественности, он даже синяка не получил. Суматоха росла; к толпе дерущихся подбегали местные жители и тоже начинали драться – для развлечения.

Дейтильвирик пошел по улице.

А навстречу ему бабка ковыляет:

– Мил дружек! Не поможешь кулек до дому донести?

Щедро награжу тебя.

Куль у нее – размером с амбар.

Дейтильвирк добрый; да только он фантом– и не то что поднять мешок, даже прикоснуться к нему не может. Энергия его совсем дематериализовалась.

– Ладно, – сказала бабка (куль взлетел на нее сам) – справлюсь. А ты сказки сочинять горазд? Уж больно мне скучно... рассказал бы мне чего – награжу щедро.

Но как известно, Дейтильвирк не отличался ни памятью, ни фантазией.

– Ну ладно – так иди. А чего ж ты, мил дружек, залетел столь далеко? Или у тебя нужда какая?

Ну, Дейтильвирк и рассказал ей все – о горячем желании понять собственную природу.

– Мудрено природу постигнуть, – сказала бабка, дрожа (куль на ней перекатывался и взбрыкивал). – Природа, она тайны любит... Мудрено их разгадать. Да уж больно ты мне по нраву – простой такой и незатейливый. Ладно уж – научу.

Дейтильвирк пошел следом; да только не знал он, что это за бабка такая. А она была газень – любительница мрака, говоря попросту, ведьма. Она собирала все подряд – травы, камни, энергию всех сортов; все смешивала и варила из этого мощь – злую мощь. Бабка мечтала покорить весь мир, и даже больше; ее жадность распространялась и на другие миры.

Много она собрала мощи, но хотелось еще, еще, еще; она считала, что недостаточно богата. В одном куле, который не поднял Дейтильвирк, было добра на сто хлебных полей.

Однако, при своем богатстве жила бабка весьма глупо и

скаредно: дом ее трухлявый вконец рассыпался, а тратить на починку деньги или колдовство ей было жаль. Мощь ей тоже хранить было не в чем – бабка таскала ее в себе, рискуя лопнуть; ведьминское туловище вечно дрожало, одежда рвалась и из-за этого ее постоянно принимали за нищую. Бабка милостыней не брезговала; мелочь и объедки она придирчиво считала и тоже обращала в мощь.

Было у бабки четверо скакунов – до того отошальные, что даже не поймешь, что за звери такие. Не то псы, не то кони. Бабка не холила скакунов и кормила их крайне редко – чтоб не тратиться. От этого скакуны ходили вечно злые.

Не успела бабка к дому подойти, а кони-псы уж набросились на Дейтильвирка и давай его рвать! Но он был фантом, и скакунам ничего не удалось поделывать, даже откусить чуть-чуть они не сумели.

– Вижу, что неучен ты – сказал бабка с раздражением. – Совсем жить не умеешь. Кабы умел, тебя б сразу...

– Да – согласился Дейтильвирк, – жить у меня не получается. А что значит жить?

Ведьминская спина скрючилась – от презрения.

– Неук! Учись жить!

– А как надо учиться?

– Дурень! Как все учатся, так и ты учись. Выпало мне горе – дураково море! Сколько было бездарей... всех учи да вот ты еще выпал, пустота каленая.

Конечно, она и не собиралась никого учить. Бабка-газень

задумала извести Дейтильвирка, а образующую его энергию взять себе. Но сперва она заставила его выполнять всякие работы – чтобы получить выгоду от чужого труда. Да только не вышло ничего – ведь Дейтильвирк не умел

толком овеществляться. У него все рассыпалось и проваливалось. Кроме того, он ничего не умел делать.

Видит бабка – нет от Дейтильвирка дополнительной пользы. Вот она и говорит:

– Пойди-ка ты на Зкопань-поле, послушай, что трава-Похорон скажет. Она точно знает, как надо жить.

Бабка воображала себя большим знатоком в области жизни; но в действительности, она точно знала лишь то, что любая жизнь заканчивается смертью. Бабка не верила в вечность, и поэтому свою смерть она старалась отогнать, а чужую смерть приблизить; она была убеждена, что существуют абсолютные концы.

Безмятежно Зкопань-поле; неподвижно стоит Похорон-трава, не двинется, не шелохнется, ни ветер, ни град ее не сомнут. Заколдована Похорон-трава, заключена в ней тайная сила, что любого живого повалит.

Пришел Дейтильвирк на поле, прислушивался-прислушивался... Ничего не говорит трава, молчит себе да молчит. Тогда он стал спрашивать:

– Простите... вы не знаете, как жить надо? Что для этого надо делать? А то я все пробую, пробую, да не выходит... Может, надо что-то сказать?

Дейтильвирк спрашивает. А трава молчит – не умеет же она говорить, это бабка-газень съязвила, насмехаясь над Дейтильвирком. Ей нужно было, что он рассыпался, как рассыпается все живое.

– Получу с его глупости энергию... и в кулечек сложу. А то ишь! Чего выдумал – учи его! Да такого весь свет не научит.

Ждет бабка, когда Дейтильвирк рассыпется, да только он не рассыпается. Нечему в нем рассыпаться: материи ни на грош, а на энергию сила Похорон-травы не действует. Бабка этого не знает. Она сидит и ждет. День ждет, два ждет. Месяц ждет. Дейтильвирк все ходит по Зкопань-полю и рассуждает:

– Эх, если б мне знать, отчего я Дейтильвирк! Может, я и не Дейтильвирк, а еще кто-нибудь?...

Разозлилась бабка – мощь в ней забулькала:

– Ах он сапог дырявый, ах он пень трухлявый, вошь в мешке, пузырь на горшке! Да чего ж он не сгинет! Нет – не оставлю этого! Есть не буду, спать не буду, черна мощь и хлам, никому не дам! Дождусь, когда он развалится.

Ждет глупая ведьма год, ждет два – Дейтильвирк не распадался. Так она прождала еще долго, скакунам есть не давала, и сама не ела, сытая внутренней мощью. А вот в скакунах такой мощи не было!

Выли скакуны, выли, выли их животы пустые – все без толку. Уйти от ведьмы они не могли, их удерживало колдовство. Они терпели, терпели, копили ярость; бабка не замечала, только изредка ругалась на них. Она воображала, что

темные чары сильнее всего на свете. И вот однажды ярость пересилила колдовство: вышла бабка из дому, а кони-псы на нее и набросились. И порвали в клочья.

Дейтильвирк опять ничего не сделал!

Сгинула вредная газень, пропала, рассеялась навсегда; но накопленная ею мощь выплеснулась наружу и создала поток – могучий энергетический поток, уходящий в небеса.

Дейтильвирк как раз подходил к дому ведьмы, чтобы посоветоваться насчет травы. Но поток захватил его и понес сквозь Вселенную. Дейтильвирк нисколько не удивился: как всегда, он ничего не понял. Его вертело во все стороны и толкало вдаль.

(Если бы Дейтильвирк имел научные склонности, он бы заметил, что поток энергии имел четко заданное направление, уходящее в Заповедную часть космоса.)

Вереницы космических тел мелькают перед Дейтильвирком. Ему кажется, что они мчатся наперегонки и даже путаются друг с другом. Как писал Ведя Вздокин,

До чего же мысль моя легка,

Не сидится ей на свете этом –

Далеко умчусь за облака,

Завяжу хвосты лихим кометам!

В Заповедной части космоса обитали особые создания – не живые, но жившие когда-то; прежде они существовали в материальном виде, а потом их индивидуальность перелетела сюда, ибо достойна была существовать вечно. Здесь соби-

рались исключительно замечательные умы – герои и создатели.

В структурном отношении они были похожи на Дейтильвирка – с той лишь разницей, что их энергия намного сложнее и благородней.

Здесь давно наблюдали за злой бабкой, ведь ее кончина могла бы вызвать в мире хаос. Ведьма лопнула; однако злую энергию тут же обуздали и прогнали прочь. С Дейтильвирком в придачу.

Дейтильвирк как шлепнется – и говорит:

– А где бабуля?

– Поглотила ее собственная жадность – сказал один Герой – Теперь колдовская злоба не сможет служить во вред, но... вы, кажется, не действовали заодно с ней.

– Да, я не действовал – заговорил Дейтильвирк – где уж мне действовать, я даже не знаю, что это такое... Вот как бы мне понять, кто я? Это вопрос меня особенно занимает...

Вокруг собрались души – вечные, бессмертные. Все задавали правильные вопросы:

– А вот вы сами как бы могли себя охарактеризовать?

– Я-то? Я Дейтильвирк. А еще я фантом. То есть так меня называют Вздохины. Меня еще как-то называют... в других местах, но более сложно... я все время позабываю. Я фантом.

– Значит, вы не из живущих?

– Нет, я Дейтильвирк!



– А были ли у вас родственники?

– Да вроде нет...

– А были ли у вас высокие цели?

– Да нет, вроде...

– Может, вас привлекала мудрость?

– Не, от мудрости все трясется. Это мне так говорили.

– А в целом, что вы делали в своем мире?

– Я-то? – Дейтильвирк замялся. – Да так... камешки, личинки... трава еще...

– Простите за возможно резкий тон вопроса... Вы случайно не призваны пугать?

– Пугать? – переспросил Дейтильвирк – А как это?

– Это значит вызывать страх, трепет, смятение, скорбь.

Злые души занимаются этим.

– Я не знаю, я не пробовал. – Дейтильвирк вдруг вообразил, что, возможно, пугать – это и есть его призвание. – Надо чтоб страшно было? Я сейчас... А-а-а-а!!! Ну как, страшно?

– Нет, нисколько.

– А если так... это как его... Буль-буль-буль! Что, и так не страшно?... Наверное, я не совсем умею пугать... Какой ужас!

– Не огорчайтесь – сказала одна красавица. Ей было очень много лет (если только вечные имеют возраст); но она все равно казалась молодой и красивой. Жизни она была замечательной женщиной. – Вы не злой и не страш-

ный, уже одно это должно Вас обнадеживать. Но Вы испорчены безделием, Ваша сущность не способна ни на какое созидательное действие. Вы не живой, но и не мертвый, Вы просто существуете... Но мне кажется, не все еще потеряно. Вы можете добиться много и понять себя, если начнете работать – над самим собой. Вам стоит заняться саморазвитием, но в каком-нибудь не очень хитром деле... Знаете, в царстве Н. недавно родился новый герой. Герой совсем молод, и ему необходима помощь. Оправляйтесь к нему, а если спросит откуда Вы, скажите – Надежда Устремлевна послала!

Дейтильвирк хотел переспросить, что значит помогать, да не успел – могучая сила бессмертных мягко подняла его и тут же опустила – в тысячах миров отсюда, прямо посреди царства Н.

Дейтильвирк попал на опушку леса; ему часто приходилось бывать в лесу, но здешний лес был какой-то не такой.

Дейтильвирк сделал шаг или два и увидел – молодой парень целит в него копьем.

– Призрак ты неугомонный, и ты хочешь невинной крови? Воровать жизнь пришел? Не бывать тому!

– Я не призрак... – забормотал боязливо Дейтильвирк, – я фантом... то есть я... меня оттуда... Надежда Устремлевна направили, чтобы...

– Вы от Надежды Устремлевны? – воскликнул парень. – Ох, извините меня пожалуйста за грубость, я уже повстречал столько нечисти, что ужас... Надежда Устремлевна – наш

духовный хранитель, так сложилось в нашем народе много лет... значит, и вы хранитель?

– Нет, я – Дейтильвирк, и мне сказали как-то вам помогать... А вот что значит...

Но тут из чащи выскочили демоны, целая орда, и пришлось бежать; а потом, когда демоны сгнули, надо было идти – далеко-далеко, идти, карабкаться, ползти. Быть героем совсем непросто.

В пути парень рассказал, что он принц и должен освободить царевну из плена владыки Е. Для этого нужно пройти множество земель и совершить множество подвигов. Дейтильвирк все слушал, правда, мало что понимал; вообще слова «подвиг, честь, царевна» казались ему лишь сочетанием звуков. Но он послушно шел, он же хотел что-то сделать.

Принц считал Дейтильвирка существом сверхъестественным и потому полагался на его советы.

Вот попался им дорожный указатель – каменный столб, а надписи на нем кем-то стерты. И несколько дорог.

Принц спрашивает:

– Как вы думаете, стоит ли нам идти вот по этой тропе?

– А кто его знает – ответил Дейтильвирк. – Можно, наверное...

Они пошли и угодили в змеиную ловушку. Еле выбрались. Идут дальше, а навстречу летит толпа разбойников.

Принц спрашивает:

– Стоит ли нам с ними драться?

– Да как сказать – говорит Дейтильвирк, – может что и стоит.

Ринулись было на разбойников – да только их толпа целая, а принц один (Дейтильвирк же нематериальный). Пришлось убежать.

– Как-то нам не очень везет, – сказал принц, подумав. – ...А может быть, вы расскажете что-нибудь интересное? Или веселенькое?

Дейтильвирк старался как мог; у него плохо получалось, но принц не унывал.

Шли долго; нельзя сказать, что Дейтильвирк делал что-то осмысленное или как-то помогал принцу; но он был рядом, а вдвоем всегда легче, чем одному. Поэтому принц нисколько не обижался на своего «помощника».

Наконец они добрались до замка владыки Е. Принц сказал Дейтильвирку:

– Ждите меня здесь! – а сам помчался освобождать царевну, свою невесту. Долго ли, коротко ли – возвращаются принц и царевна, а Дейтильвирк стоит точно на том самом месте, где его принц оставил.

– Благодарю вас за стойкость, – сказал принц. – Но не проходил ли здесь враг какой?

– Нет, – говорит Дейтильвирк, – врагов не было; шаталось много всякого народу, какие-то с луками, мечами... все про вас спрашивали, про ваши силы, а я и не знаю толком, что сказать...

– Скверно, – говорит принц, – это были слуги владыки Е., они обязательно устроили здесь засаду. Прежним путем идти нельзя; придется искать новый путь!

Они пошли по новому пути, вернее побежали, так как за ними мчалась погоня. Злые всадники владыки Е. гнались за принцем, хотели отнять прекрасную царевну – иногда их авангард догонял Дейтильвирка (тот постоянно где-то путался), но принц всех сокрушал. Ему помогала царевна – она оказалась не только хорошенькой, но и весьма боевой.

Дейтильвирк все рассуждал:

– И чего они привязались... ну царевна она и царевна, ну отняли и отняли... обижаться-то зачем? Если б у меня отняли царевну, я б несколько не обижался. Тем более что она – чужая...

Сквозь него пролетали целые снаряды, но Дейтильвирку все нипочем.

Все бежали, бежали, бежали; наконец оторвались. Но от долгого пути и приключений царевна так утомилась, да и принц тоже устал, что они решили немного отдохнуть.

Принц говорит Дейтильвирку:

– Дорогой друг, усталость нас переполнила; надо хоть немного полежать. Авось сил прибавится. Но прошу вас – следите, как бы подлый Е. не подобрался.

Легли царевна и принц на траву и сразу заснули. Дейтильвирк по сторонам глядит.

Долго ли, коротко ли – просыпается принц, глядь – а ца-

ревны-то прекрасной нет. Один Дейтильвирк стоит и рассуждает:

– Листья что-то не падают... хотя зачем им падать... Да! Хотел вам сообщить, приходил тут один с огромной толпой, прилетели даже на чем-то... Я спрашиваю, Е. он или не Е., а он не слушает... схватил, значит, царевну и того... ушли все в общем...

Принц едва не расплакался:

– Почему ж вы меня не разбудили?!

– Да я же не это... не как его... не умею будить. А что значит будить?

– Делать нечего, – сказал принц. – Придется опять идти царевну вызволять.

И они пошли снова. Снова принц по пути совершал подвиги, а Дейтильвирк был рядом. Ему очень хотелось что-то сделать, да только не удавалось.

Наконец, они достигли дворца злого владыки Е.; от жителей они узнали, что царевна очень грустит и отказывается видеть Е.; и что она выйдет замуж лишь за того, кто покажет настоящее чудо. А иначе сама себя погубит. Е. был вынужден согласиться – со всех краев к нему потянулись женихи со всевозможными чудесами. Но Е. был хитер – у него у самого имелось такое чудо, что даже гордая царевна не смогла бы возразить.

А женихи все приходили и приходили, приносили с собой такие диковинки, что все вокруг ахали:

– Вот это да! Вот чудо так уж чудо!

– Не могу сказать, что это чудо – рассуждал Дейтильвирк – а кстати, что такое чудо? И где оно берется?

Последив за повадками Е. Принц думал-думал и придумал. Он говорит:

– У меня появилась одна мысль... но мы с вами должны появиться в самый последний момент.

В назначенный день стаи женихи показывают царевне свои чудеса – одно другого удивительнее. Владыка Е. сидит и усмехается. Один пришел с удивительными зеркалами – на миллион шагов вокруг все видят. Владыка Е. сидит и усмехается.

Другой вынул простой платок, взмахнул им – и на платке появились удивительные картины, подвижные, объемные, будто совсем настоящие. Е. усмехается. Третий щелкнул пальцами – из пустоты персик выпал. Е. говорит:

– Превращение энергии в материю. Ничего сложного. А вот зато не всякая материя энергии поддаться может. Разбейте-ка вон тот камешек! – и показал на огромный валун, химически напоминающий алмаз.

Били его женихи, били, даже бомбы взрывали – не поддается алмаз и все тут, даже трещинки микроскопической нет.

Е. спрашивает:

– Что, братцы, не смогли разбить?

– Да, говорят женихи, не смогли.

– Так выходит он неразбиваемый?

– Да, говорят, похоже на то.

– А вот теперь, братцы, смотрите – Е. выхватил из ниоткуда меч, ударил им – камень в прах разлетелся. Даже стекляшек не осталось.

– Видите, дорогая, этот меч способен сокрушить любое вещество. Что бы ни было на свете твердого, великого, могучего, все он разрушит, все в прах обратит. Разве это не удивительно? Разве это не самое большое чудо?

Женихи согласились; да, это действительно чудо, раз любую материю сокрушить может. Погрустнели глаза царевны, она не знала что сказать, но тут –

Перед владыкой Е. предстал принц. Вместе с Дейтильвирком. Принц спросил:

– Вы сказали, что ваш меч способен разрушить все?

– Любую материю – сказал Е. – Любую вещественную субстанцию, независимо от ее прочности и сложности.

– Да, это действительно чудо – сказал принц. – Но позвольте показать вам чудо еще большее – и кивает на Дейтильвирка: – это мой добрый товарищ: вам его ни за что не победить.

Не успел Дейтильвирк сообразить хоть чуть-чуть, как владыка Е. накинута на него с мечом и стал сокрушать. Он рубил долго, сильно и неистово; в мече таилась такая мощь, что могла уничтожать целые миры. Но миры образованы материей – а ее, как мы давно знаем, в Дейтильвирке очень мало, и она возобновима. А энергия тем мечом не уничтожается.



Рубил владыка Е., рубил – бесполезно, Дейтильвирк стоит на месте и непохоже даже, чтоб ему было неприятно. И пришлось владыке признать, что есть на свете несокрушимые явления.

– Ладно, – сказал Е. принцу. – Ты победил. Забирай прекрасную царевну. И чудо свое забери, пожалуйста, а то у меня от него голова ходуном ходит.

Всю оставшуюся часть пути Дейтильвирк удивлялся и спрашивал сам себя:

– Разве я – чудо? Это что, моя сущность? А зачем они полезны, эти чудеса?

Вернулись принц и царевна домой, и все стало вокруг хорошо, и даже замечательно. И все благодарили Дейтильвирка за то, что он сделал.

– Ура! Наконец-то я сделал! Как назло, вот не припомню, когда именно я что-то делал...забыл. Или я не заметил...Но я же очень внимательно смотрел!

Наверное, Дейтильвирк сделал что-то такое, что недоступно простому взору. В Заповедной части космоса его тоже благодарили – за помощь хорошим товарищам, но при этом сказали:

– Уж очень вы чистый разум. Вам стоит немного подучиться.

– Ой, – говорит Дейтильвирк – что-то мне неохота... вот энергии слегка обновить не мешало б... и еще домой поехать...

Бессмертные сделали все как он просил: Дейтльвирк получил огромный запас мощных, освежающих полей и вот –

Он уже сидит на старом месте. Возле прошлогодней кучи листвы.

– Да, – сказал Дейтльвирк – погуляли и домой. А все-таки, кто я – живой или не живой?

Он посидел, посидел; но вскоре на него налетели другие фантомы – знакомые. Они были страшно перепуганы.

– Что сидишь как гриб?! Вставай!!

– Вставай, Дейтльвирк, переезжаем!

– А?... – спрашивает Дейтльвирк – Куда переезжаем? Зачем?

– К черту, к бесу лысому на двор, на дом... тут такое творится, такое творится... а-а-а-а!!! – вот что творится! Соберись!

Фантомы принялись объяснять, но так быстро и сумбурно, что Дейтльвирк ничего не понял. К счастью, рядом пролетала знакомая бьорка.

– Объясни, пожалуйста – попросили ее фантомы– объясни этому тугодуму что делается! Жить же нельзя!

– Это вам нельзя, – сказала бьорка, – а мне можно. Хотя странно.

– Почему? – спросил Дейтльвирк.

Бьорка рассказала, что с недавнего времени все в их мире меняется. Виной всему народ Взмокины, потому что у них появился какой-то Цветок (?). Этот Цветок наполняет мир

невидимыми лучами, от которых становится больше смысла и гармонии, и от этого фантомы очень страдают. Они же никогда не терпели гармонии. Гармония, исходящая от Цветка, и еще от кого-то такого, проникает повсюду, и старое, привыкшее к торжеству безобразия вынуждено отступать. Вот они и переезжают.

В обычной среде тоже были изменения. В лесу появилась новая куница – большая-пребольшая, с длинными как у волка ногами и хвостом полубаранкой. Куница везде совала свой нос и пискляво-хрипловатым голосочком говорила:

– Безобразие! Ходят тут всякие рожи необразованные, заняться нечем... А это золото? Нет, это не золото... Прямо ужас... кошм-а-а-ар-р! Везде та-акие физиономии! Совсем никаких стандартов.

Дейтильвирк и сам признал, что мир охватили невидимые перемены. Он не чувствовал их вредного влияния, но – на всякий случай – не стал спорить и вместе с другими фантомами перебрался в другой мир. Не слишком далеко от прежнего.

Медленно тянется время – и оттого возникает скука, и трудно одолеть ее. А вот он, Дейтильвирк, знает, что делать! – он сидит в новом уже мире и по-прежнему роется в траве, ворошит прошлогодние листья и камешки, рассуждает. Другого он не умеет. Порой из-под камешков пробиваются крохотные ростки; ростки тянутся, тянутся ввысь и иногда достигают очень больших размеров. Бывшие ростки

становятся деревьями; с деревьев падают листья, чернеют, Дейтильвирк их тоже ворошит, опять пробиваются ростки – и так, наверное, будет еще очень долго, если не всегда. Дейтильвирк способен лишь на простенькие действия – он ворошит листья, камешки, находит ростки. Конечно, это очень просто, он и сам простой-простой, наш Дейтильвирк. Но, быть может, даже в таком простом деле есть смысл?